A 191/320
~47

D 60/218 C1 R8/47/1 8 ФБ 247
А 191/320

ТАРКА КОРЯКЪ

ПОВѢСТЬ

ИЗЪ БЫТА СИБИРСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ

М. А. ЛЯЛИНОЙ

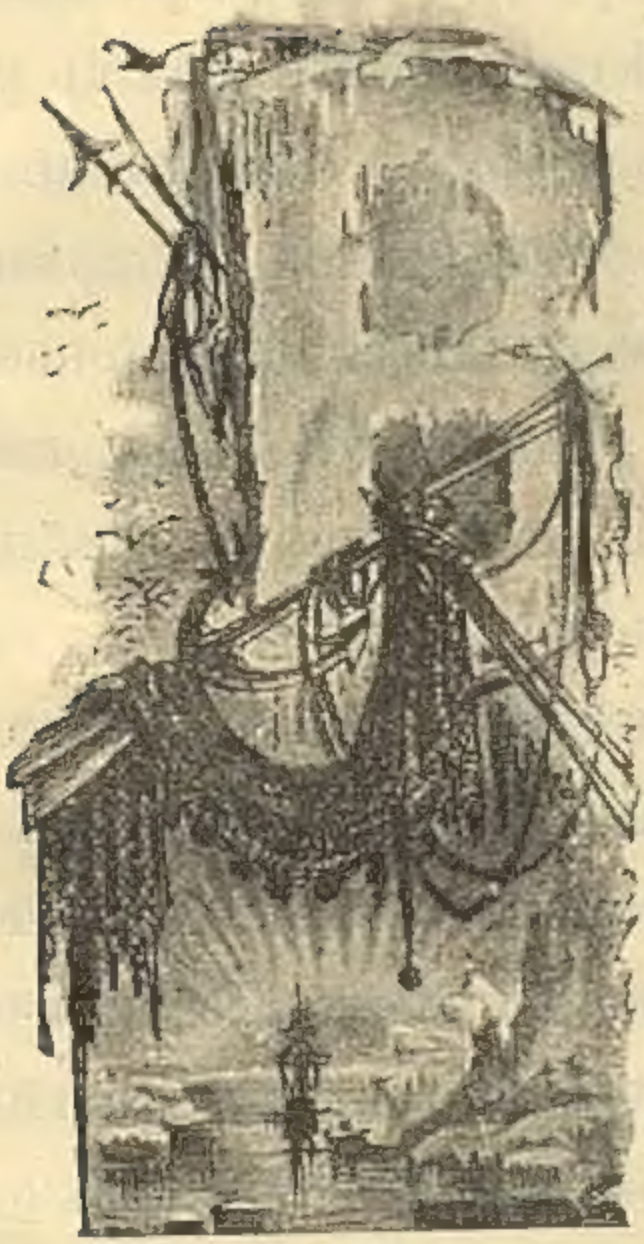
Съ 5 рисунками

Изданіе
Товарищества М. О. Вольфъ
С.П.Бургъ • Москва •

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ · ВАС. ОСТР. 16 ЛИНІЯ СОБ. ДОМЪ

16457-40

ТАРКА КОРЯКЪ.



ЕСЬ сѣверъ Сибири, вплоть до Ледовитаго океана, покрытъ необозримыми тундрами. Жутко непривычному глазу смотрѣть на нихъ и лѣтомъ, когда онѣ покрыты зеленымъ мхомъ и въ рѣдкихъ мѣстахъ тощею травою, а о зимѣ ужъ и говорить нечего. Безконечная, однообразная снѣжная пелена, покрывающая ихъ, придаетъ имъ такой унылый и мрачный видъ, что цивилизованному человѣку трудно даже себѣ представить, чтобы кто-нибудь могъ обитать тамъ. Однако, есть люди, которымъ

эти пустыни милы, и которые проводятъ въ нихъ всю свою жизнь. Эти люди — полудикія, кочующія племена Сибири. Вотъ становище одного изъ этихъ племенъ, коряковъ, раскинулось у подножія Саманскихъ горъ, отдѣляющихъ ихъ территорію отъ Камчатки. Тутъ юртъ 10 — 15. Коряки владѣютъ огромными стадами оленей, которые доставляютъ имъ и одежду, и пищу, и служатъ для передвиженія. На шкуры этихъ оленей они вымѣниваютъ у русскихъ купцовъ необходимое оружіе и утварь. Олени питаются преимущественно мхомъ, и какъ только уничтожатъ его вблизи становища, кочевье переносится на другое мѣсто. Корма на зиму не заготовляется. Олени взрываютъ копытами снѣгъ, и такимъ образомъ сами достаютъ себѣ пищу.

Юрты коряки строятъ разныя: и большія на нѣсколько семей, и маленькія на одну-двѣ семьи. Въ землю вбиваются жерди и покрываются оленьими шкурами, сшитыми оленьими же жилами. По внутреннимъ стѣнамъ юрты дѣлаются помѣщенія, въ родѣ чайныхъ цибиковъ, только передняя часть у нихъ откидывается. Такіе цибики называются пологами и служатъ спальнями для отдѣльныхъ семей. Въ нихъ постоянно горитъ ночникъ изъ оленьяго жира и

мха, который, хотя чадитъ немилосердно, но за то нѣсколько согрѣваетъ помѣщеніе. Посреди юрты, на каменныхъ подставкахъ, раскладывается костеръ, который и служитъ кухнею. Дымъ выходитъ въ отверстіе крыши, а когда вѣтеръ не пускаетъ его, онъ стелется по юртѣ и ѣстъ глаза ея обитателямъ, почему между ними сильно распространены глазныя болѣзни.

Едва успѣло зимнее солнце взглянуть своимъ блѣднымъ, мертвеннымъ окомъ на обиженную имъ природу, какъ уже спѣшитъ спрятаться; на смѣну ему выплываетъ величавая луна, одинаково благосклонно освѣщающая какъ сѣверное, такъ и южное небо. Спрячется луна — заиграетъ сѣверное сіяніе, но теперь оно не будетъ ярко, такъ какъ большихъ морозовъ нѣтъ,—всего ноябрь мѣсяцъ.

Поодаль отъ становища виднѣется точно лѣсъ низкорослыхъ, вѣтвистыхъ деревьевъ. Это пасется огромное стадо оленей, оберегаемое отъ нападенія дикихъ звѣрей молодыми коряками поочередно.

Предпочитали бы они сидѣть и, пожевывая табакъ, грѣться у огня, ничего не дѣлая; пришла, однакожъ, очередь позябнуть съ полсутокъ на морозѣ, такъ терпи. Норови только, чтобъ не

заснуть, — а то и оленей прогуляешь, и себя на тотъ свѣтъ отправишь.

Въ настоящую минуту, въ особенности, хотѣлось бы молодымъ парнямъ быть вонъ въ той большой юртѣ, около которой толпится народъ. Тамъ теперь справляютъ свадьбу и привезли рѣдкаго гостя—шамана.

Два коряка стоятъ въ сторонѣ отъ юрты и о чемъ-то разговариваютъ.

Ребятишки снуютъ кругомъ и то и дѣло засовываютъ свои пальцы въ швы шкуръ, покрывающихъ юрту, надѣясь хоть однимъ глазкомъ взглянуть на пиршество.

— Эй вы, шайтаны [1]),—отгоняетъ ихъ сурового вида корякъ. — Изъ-за васъ тутъ дуть будетъ. Прочь!

Ребятишки разбѣгаются вразсыпную.

У входа въ юрту, который болѣе напоминаетъ входъ въ лисью нору, чѣмъ въ человѣческое жилище, появляются люди, которые то вползаютъ, то выползаютъ изъ нея.

Посреди юрты пылаетъ костеръ и надъ нимъ,

---

[1])Черти.

Два коряка стоятъ въ сторонѣ отъ юрты...

въ котелкѣ, варится любимое купанье коряковъ — маніалла. Оно состоитъ изъ полупереваренаго мха, вынутаго изъ желудка только-что убитаго оленя и смѣшаннаго съ кровью и саломъ. Кругомъ стоятъ корытца съ мясомъ, мозгомъ и рубленымъ жиромъ. Цѣлое общество коряковъ сидитъ вокругъ огня. Они одѣты въ мѣховыя рубашки — куклянки, мѣховые сапоги—бахилы и мѣховые капоры.

Одинъ изъ присутствующихъ замѣтно выдѣляется изъ толпы. Куклянка его, сшитая мѣхомъ внутрь, покрыта сукномъ и изукрашена цвѣтами, узорами и бисеромъ. Кромѣ того она увѣшана металлическими бляхами, издающими легкій звонъ при каждомъ его движеніи. Это шаманъ [1]), пользующійся большимъ почетомъ у инородцевъ; безъ него не обходится ни одно болѣе или менѣе важное событіе. Онъ, по вѣрованіямъ коряковъ, посредникъ между божествомъ и людьми; онъ одинъ можетъ умилостивить карающаго духа и предотвратить бѣдствіе.

—Тадибъ!—спрашиваетъ старшина, почтительно обращаясь къ шаману.—Можемъ ли мы допустить Ватаме обладать Аладырью?

[1]) Жрецъ.

—А годы испытанья кончены?

—Кончены. Онъ уже три года отработалъ отцу невѣсты.

—Отецъ у него старъ.— перебилъ другой корякъ.—Пора отпустить парня ему на смѣну.

—Не приступить ли. Тадибь, къ заклинаніямъ?

—Духи тьмы витаютъ въ пространствѣ. Они очень гнѣвны. Надо умилостивить ихъ и принести имъ въ жертву собаку. Тогда союзъ можетъ совершиться.

Отецъ невѣсты молча всталъ и вышелъ или, лучше сказать, выползъ изъ юрты.

У входа лежала желтая кудластая собачонка и съ наслажденіемъ грызла внутренности только-что убитаго оленя. Не подозрѣвая, что ея послѣдній часъ пришелъ, она завиляла хвостомъ, увидавъ своего хозяина. Не долго думая, схватилъ ее корякъ за шиворотъ и распоролъ ей животъ. Вынувъ внутренности, онъ разметалъ ихъ на всѣ четыре стороны, для умилостивленія низшихъ духовъ, а собаку прикрѣпилъ къ шесту и водрузилъ его въ сугробъ у входа въ юрту.

— Готово!—заявилъ онъ, возвратившись на свое мѣсто.

Шаманъ поднялъ глаза къ небу, пошепталъ

что-то и объявилъ, что духи умилостивлены. Началось угощеніе. Сперва похлебали маніаллы, разливъ ее по деревяннымъ чашкамъ весьма сомнительной чистоты, потомъ приступили къ корытцамъ. Шаманъ долженъ былъ отвѣдать изъ каждаго корытца, а потомъ уже ѣли другіе, захватывая пальцами, кто сколько могъ. Когда всѣ насытились, одинъ изъ присутствующихъ—дружка—ударилъ въ барабанъ. Въ ту же минуту вошелъ корякъ со связкой сухихъ прутьевъ и сталъ разсовывать ихъ по пологамъ. Множество ногъ, большихъ и маленькихъ, свѣсились изъ-подъ пологовъ, и когда откинулась передняя занавѣска, глазамъ присутствующихъ предстало цѣлое общество женщинъ и дѣтей, вооруженныхъ, вѣтками. Барабанъ затрещалъ вновь, и изъ крайняго полога дружка вывелъ жениха и невѣсту. Тутъ началась бѣшеная скачка. Невѣста, какъ будто спасаясь отъ жениха, бѣгала вокругъ юрты, вскакивала въ пологи и выскакивала изъ нихъ. Женихъ старался ее поймать, но женщины не допускали его, стегали прутьями, подставляли ноги, били его пологомъ по лицу. Наконецъ женихъ, измученный, избитый, поймалъ свою невѣсту. Брачная церемонія была кончена, и гости одинъ за другимъ вышли изъ юрты.

— Старый Барми у насъ очень боленъ, но пойдетъ ли Тадибъ взглянуть на него?—заявилъ одинъ изъ кориковъ, обращаясь къ шаману.

— Духи шлютъ освобожденіе.—загадочно отвѣтилъ шаманъ и пошелъ къ больному.

Тяжко было бѣдному старику въ спертомъ и дымномъ воздухѣ юрты. Онъ лежалъ съ откинутымъ пологомъ, весь завалешный шубами. Только и видно было его худое, мертвенно-блѣдное лицо. Около него, на колѣняхъ, стоялъ мальчикъ лѣтъ 14-ти и пытливо смотрѣлъ ему въ глаза. При входѣ посторонняго онъ, какъ испуганная кошка, отскочилъ въ сторону и забился въ уголъ.

— Не жилецъ Барми на этомъ свѣтѣ,— сказалъ шаманъ, взглянувъ на больного. — Великій духъ зоветъ къ себѣ.

— Я не могу умереть. — слабо проговорилъ старикъ.—У меня внукъ малолѣтка.

— Какой тамъ малолѣтка. скоро и весь парень будетъ,—замѣтилъ одинъ изъ пришедшихъ.

— Духу лучше извѣстно; безъ воли духа ничего случиться не можетъ,—продолжалъ шаманъ.— Попытаемся умилостивить его.

Всѣ уже знали, что начнется заклинаніе. Полога

Присутствующіе ударяли въ ладоши...

откинулись, и ихъ обитатели приготовились смотрѣть на интересное зрѣлище. Одинъ изъ коряковъ, исполняющій при посѣщеніяхъ шамана должность его помощника, принялся мѣрно ударять въ барабанъ и ходить вокругъ костра; за нимъ мѣрными шагами, высоко подымая то ту, то другую ногу, выступалъ шаманъ, бормоча какія-то непонятныя слова. Присутствующіе ударяли въ ладоши и заунывно подпѣвали. Мало-по-малу, ритмъ барабана ускорился, хожденіе превратилось въ скачки, а пѣніе — въ крики и взвизгиванія. Вдругъ шаманъ, какъ изступленный, закружился вокругъ костра и черезъ нѣсколько минутъ упалъ въ изнеможеніи съ пѣною у рта. Всѣ благоговѣйно замолчали и ожидали приговора своего оракула. Шаманъ медленно поднялся съ пола, обвелъ мутнымъ взглядомъ присутствующихъ и объявилъ, что духи непреклонны, что надо покориться ихъ волѣ.

— Стало быть нечего ему даромъ мучиться и другихъ мучить, — заявилъ одинъ корякъ. Его одобрили и остальные.

Барми вскинулъ глазами и опять закрылъ ихъ. Слабость тѣла лишила его сознанія. Онъ зналъ, что смертный приговоръ его произнесенъ: на утро

придутъ старѣйшіе и наиболѣе уважаемые коряки, положатъ его на скрещенныя копья, покрытыя оленьими шкурами, вынесутъ изъ юрты и приколютъ. У кочевыхъ народовъ въ обычаѣ лишать жизни старыхъ и безнадежныхъ больныхъ. Эта мѣра вызвана необходимостью, а также чувствомъ самосохраненія. Тяжелая болѣзнь въ душной и тѣсно населенной юртѣ легко переходитъ въ эпидемію, а больные, которые не могутъ сами двигаться, сильно обременяютъ общество при безпрестанныхъ передвиженіяхъ. Притомъ и прокормиться этому бѣдному народу очень трудно, а тутъ еще приходится кормить лишніе рты. Коряки, впрочемъ, народъ не жестокій и прибѣгаютъ къ этой мѣрѣ только тогда, когда уже нѣтъ никакой надежды на выздоровленіе. Шаманъ, которому приходится на своемъ вѣку видѣть много больныхъ, рѣдко ошибается въ этомъ случаѣ. Экзекуція производится всегда умѣлой рукой и такъ искусно, что больной отправляется въ лучшій міръ съ меньшими страданіями, чѣмъ умирая естественной смертью.

Отъ больного шаманъ отправился въ юрту, гдѣ былъ новорожденный ребенокъ. И тамъ надо было сдѣлать заклинанія, чтобы отогнать злого духа отъ

новорожденнаго, а такъ какъ онъ чувствовалъ себя усталымъ, то и намѣрепъ былъ потребовать жертвы въ видѣ собаки.

Пока происходила церемонія заклинанія надъ больнымъ старикомъ, внучекъ его, Тарка, сидѣлъ въ углу никѣмъ не замѣченный. По обращенію шамана, по лицамъ присутствующихъ, онъ зналъ, что́ ожидаетъ дѣда, и задался мыслью спасти его. Какъ ужъ, выскользнулъ онъ вслѣдъ за посѣтителями и издали сталъ слѣдить за ними. Онъ видѣлъ, какъ нѣсколько коряковъ окружили шамана и съ странными тѣлодвиженіями стали ему предлагать что-то. Это было угощеніе мухоморомъ, припасеннымъ ради такого исключительнаго случая, какъ свадьба. Коряки, какъ и всѣ вообще инородцы, очень склонны къ спиртнымъ напиткамъ, но, кочуя вдалекѣ отъ всякаго осѣдлаго поселенія, они очень рѣдко могутъ раздобыться водкой и употребляютъ суррогатъ ея — мухоморъ, который тоже вымѣниваютъ у русскихъ и сохраняютъ въ сушеномъ видѣ. Опьяненіе отъ мухомора похоже на опьяненіе опіумомъ и, въ концѣ концовъ, такъ же убійственно дѣйствуетъ на нервную систему. Русское правительство запрещаетъ купцамъ продавать этотъ товаръ инородцамъ,

но они обходятъ это запрещеніе, какъ и многія другія.

Когда Тарка увидѣлъ, что шаманъ соблазнился предложеннымъ ему угощеніемъ, онъ встрепенулся. Онъ зналъ, что теперь не скоро шаманъ соберется въ обратный путь, и въ головѣ его мелькнулъ, какъ молнія, планъ дѣйствій. Корякскій этикетъ требуетъ, чтобы запряженные олени были всегда наготовѣ для шамана и чтобъ, въ случаѣ желанія его уѣхать, онъ не былъ задержанъ ни на одну минуту. Тарка, знавшій это, сдѣлалъ рекогносцировку и, убѣдившись, что олени дѣйствительно стоятъ запряженные и привязанные позади одной изъ юртъ, стрѣлой полетѣлъ домой.

Съ боку юрты устроенъ былъ навѣсъ, замѣняющій кладовую. Навѣсъ этотъ былъ на порядочномъ разстояніи отъ земли, чтобы предохранить провизію отъ собакъ. Тарка подставилъ жердь, живо вскарабкался по ней и сталъ выкидывать изъ кладовой оленьи и медвѣжьи мѣха, сушеную рыбу и мясо. Онъ сбросилъ также свертокъ, тщательно завернутый въ кожу и перевязанный оленьими жилами, потомъ соскочилъ и обернулся. Все было тихо. Населеніе разбрелось по юртамъ и ужинало. Одни ка-

раульщики оленей могли бы издали видѣть его, но, по счастью, луна спряталась за тучи и, казалось, была въ заговорѣ съ отважнымъ мальчикомъ. Тарка очень хорошо зналъ, что если его накроютъ, ему не избѣжать жестокаго наказанія. Его приведутъ къ ели, самой высокой, какая только найдется, срубятъ всѣ ея вѣтки и каждой изъ нихъ будутъ сѣчь виновнаго до тѣхъ поръ, пока вѣтки не переломятся или пока онъ не упадетъ безъ чувствъ. Потомъ вѣтки сожгутъ, пепелъ размечутъ по вѣтру, а о преступленіи его позабудутъ навсегда.

Представляя себѣ эту картину, Тарка, тѣмъ не менѣе, продолжалъ свое дѣло. Онъ спряталъ все свое добро подъ навѣсъ и явился въ юрту ужинать, какъ ни въ чемъ не бывало. Поужинавъ, онъ ушелъ опять и сталъ дожидаться ночи. Замѣтивъ, что все успокоилось, онъ побѣжалъ къ юртѣ, гдѣ привязаны были олени, и пригналъ ихъ къ навѣсу. Для удобства шамана, на полозья поставленъ былъ ящикъ въ видѣ гроба. Такія приспособленія дѣлаются только для почетныхъ путешественниковъ, обыкновенно же коряки ѣздятъ просто на дровняхъ. Понятно, что для больного старика ящикъ былъ удобнѣе. Тарка разостлалъ въ немъ мѣха, положилъ въ ноги про-

визію и свой свертокъ, который долженъ былъ быть очень драгоцѣненъ, судя по тому, какъ онъ съ нимъ обращался, и, притотовивъ все такимъ образомъ, поползъ въ юрту. Подкравшись къ пологу больного, онъ тихонько толкнулъ его и шепнулъ; „Бѣжимъ, дѣдка, обхвати меня за шею“. Старикъ безсмысленно взглянулъ на него и, кажется, ничего не понялъ. Тарка приподнялъ его, обвилъ его слабыми руками свою шею и, придерживая ихъ одною рукою сзади, чтобы онѣ не разошлись, другой обхватилъ станъ старика и поволокъ его, какъ куль сѣна. Ноги Бармы волочились по землѣ и едва-ли его положеніе было удобно, но Тарка не въ силахъ былъ нести дѣда. Чья-то голова высунулась изъ-подъ полога и спросила: „Куда ты его?“—„Подышать чистымъ воздухомъ просится“,—отвѣчалъ Тарка. Голова спряталась. Достигнувъ узкаго прохода, ведущаго къ выходу, Тарка сбросилъ дѣда съ своей спины и, подхвативъ его подъ-мышки, потащилъ по землѣ. Такъ тащилъ онъ его и по снѣгу, вплоть до санеи. Слабый старикъ легко могъ умереть отъ этой гимнастики, но вѣдь на утро его все равно ожидала смерть. Что же было дѣлать мальчику, когда онъ не въ силахъ былъ дѣйствовать иначе? Уложить дѣда въ сани было

тоже не легко, надо было приподнять его. Наконецъ, дѣло сдѣлано, старикъ уложенъ и закутанъ, и Тарка, усѣвшись на передокъ, погналъ оленей.

Дорога была отличная; снѣгъ не глубокъ и скрѣпленъ хорошимъ настомъ. Счастье Тарки, что такъ случилось, а то-бы ни за что не пробраться ему черезъ горы. А цѣлью его было переѣхать горы и добраться до русскихъ купцовъ, о которыхъ онъ слыхалъ такъ много, а черезъ нихъ и до бѣлаго царя, о которомъ онъ зналъ по разсказамъ своего дѣда, а тотъ слышалъ отъ своего дѣда, а главное, Тарка надѣялся получить доступъ къ нему, благодаря талисману, зашитому въ оленью кожу.

Горы надвигались все ближе и ближе, казалось, еще мигъ, — и олени налетятъ на эти громады и разобьютъ себѣ головы. Однако, точно подъ вліяніемъ волшебства, горы разступались и открывали невидимые до того проходы, такъ что, черезъ нѣкоторое время, путешественники уже ныряли по пригоркамъ, какъ по волнамъ безбрежнаго моря. Долго Таркѣ чудилась погоня, и онъ немилосердно гналъ бѣдныхъ животныхъ. Наконецъ, онъ рѣшился остановиться, приложилъ ухо къ землѣ, вскарабкался на крутую возвышенность,—нигдѣ ничего не

было ни видно, ни слышно, только востокъ начиналъ алѣть утренней зарею. Тишина была необычайная. Тарка подбѣжалъ къ санямъ и съ замираніемъ сердца приподнялъ шкуры. Старикъ не только былъ живъ, но дышалъ гораздо свободнѣе. Свѣжій воздухъ, послѣ спертой, удушливой атмосферы юрты, видимо освѣжилъ его. „А вотъ и не умрешь, дѣдка!— вскрикнулъ Тарка, щелкнувъ языкомъ. — А теперь давай ѣсть“.

Тарка отпрягъ оленей и, связавъ имъ заднія ноги, чтобъ не ушли далеко, предоставилъ имъ самимъ отыскивать себѣ пищу. Потомъ досталъ топоръ, отрубилъ кусокъ оленины и, давъ его сосать дѣду, самъ усѣлся на снѣгу возлѣ саней и тоже сталъ закусывать. Востокъ алѣлъ все больше и больше; клочья тумана, висѣвшіе на вершинахъ горъ, стали принимать розовый оттѣнокъ. Изгибы утесовъ, откосы скалъ отливали лиловато-синеватой тѣнью. Вдругъ хлынула волна свѣта и залила всю окрестность; тѣни сбѣжали прочь, и снѣгъ засіялъ ослѣпительной бѣлизною.

Тарка закусывалъ, не обращая вниманія на величіе окружающей его природы. Подкрѣпившись, онъ почувствовалъ большой приливъ веселости.

— Эге!—сказалъ онъ, обращаясь къ дѣду,—то-то тамъ теперь дивятся!

Старикъ улыбнулся ему въ отвѣтъ. Онъ находился въ блаженномъ состояніи человѣка, только-что избѣжавшаго неминуемой смерти. Онъ не разспрашивалъ внука, онъ слѣпо вѣрилъ ему.

На утро, въ кочевьѣ поднялся дѣйствительно переполохъ, и большой. Шаманъ проснулся и захотѣлъ ѣхать. Хватились оленей — оленей какъ не бывало. Что за диво! Воровство между коряками дѣло рѣдкое, почти небывалое; ужъ не сорвались ли они сами? Мало-по-малу, народъ просыпался и выходилъ изъ юртъ. Изъ Таркиной юрты высыпало почти все населеніе, сообщили объ исчезновеніи Тарки и дѣда. „Въ погоню! въ погоню!“ кричала молодежь и бросилась было за оленями. По слѣдамъ бѣглецовъ настичь было можно. Старшіе смотрѣли, какъ волновалась молодежь, и только покачивали головами.

— Эге! Нужда догонять! Старикъ все равно помретъ на морозѣ, намъ-то что! И мальчишкѣ не выбраться—сгинетъ. Худая трава изъ поля вонъ.

Тарка, однако, не сгинулъ, его хранилъ самъ Богъ. Переходъ черезъ горы представлялъ такія трудности, о которыхъ Таркѣ и не снилось. Безъ

компаса, безъ дорогъ, безъ всякаго понятія о мѣстности, онъ счелъ за лучшее отдаться инстинкту оленей. Онъ понималъ, что для перевала черезъ горы надо сперва достичь ихъ вершины и все подыматься. Приходилось огибать такія пропасти, по такимъ узкимъ и покатымъ выступамъ, что Тарка невольно жмурилъ глаза, ожидая, что вотъ-вотъ и онъ, и дѣдка, и олени—все полетитъ къ шайтану. Въ иныхъ мѣстахъ приходилось пробираться по ущельямъ, занесеннымъ снѣгомъ, и тогда надо было вставать, вытаскивать дѣда и поклажу и волочить самому, чтобы облегчить сани. По счастью, Барми съ каждымъ днемъ все укрѣплялся, и вскорѣ самъ сталъ облегчать внуку перетаскиваніе себя. Достигнувъ вершины, Тарка вздохнулъ свободнѣе. Онъ былъ увѣренъ, что теперь всѣ препятствія исчезли. Онъ понесется внизъ, очутится у моря, а тамъ и до бѣлыхъ людей рукой подать. Каково же было его удивленіе, когда, окинувъ взглядомъ окрестность, онъ увидалъ только все горы и горы.

Со свойственной юношамъ самонадѣянностью, онъ до сихъ поръ думалъ, что самъ найдетъ дорогу, теперь же начиналъ убѣждаться, что это не такъ легко, и рѣшился поговорить съ дѣдомъ.

— Бывалъ у моря, дѣдка?—такъ началъ онъ.

— Бывалъ, сынокъ, бывалъ, мѣха возилъ.

— Вотъ! А я и не зналъ. Такъ какъ же ты попалъ туда?

— А вотъ такъ-же, сынокъ. Съ горы да на гору, съ горы да на гору, до моря и доберешься.

— Тамъ, подъ горойі-то, море и есть?

— Ойі, что ты! Какое море! До моря-то такихъ горъ—видимо-невидимо.

Тарка пріунылъ, но не надолго.

— Такъ ты не зналъ, стало быть, дорогу-то?—продолжалъ онъ.

— Гдѣ-жъ ее знать? Она, почтаіі, каждыіі годъ иная, дорога-то.

— Такъ какъ-же до моря-то добраться?

— А по солнцу. Ты норови, чтобъ восходъ у тебя всегда съ правоіі руки былъ, ну, и придешь къ морю. Да у моря-то что-жъ мы станемъ дѣлать, сынокъ?

— Тамъ бѣлые люди пріютятъ тебя, пока я до царя доііду. Вонъ вѣдь оно у меня съ собоіі.

И Тарка, вытащивъ драгоцѣнныіі свертокъ, показалъ его дѣду.

— Великіі духъ далъ разумъ моему внуку, —

торжественно сказалъ Барми, протягивая руку надъ головою мальчика. — Пусть онъ и хранитъ его отъ соблазновъ, которые онъ увидитъ у бѣлыхъ людей. Тамъ водки разливное море, сынокъ, а до нея охочи наши животы. И правды мало тамъ. Все норовятъ обмануть нашего брата, дурака, дорогой мѣхъ взять за ничто, а на мѣсто его всучить какую-нибудь негодящую вещь: либо котелъ, который распаяется, либо ружье, которое разломается.

— Я такъ полагаю, дѣдка, что тамъ всякихъ есть, и худыхъ и хорошихъ. Пріютятъ тебя, такъ и будутъ хорошіе люди; а коли я до царя хочу доходить, такъ мнѣ не впору глупостями заниматься.

— Такъ иди своей дорогой, сынокъ, а мной не обременяйся. Засну я себѣ почку безъ шубы, такъ на утро и духъ изъ меня вонъ. Довольно пожилъ я.

— Что ты это говоришь-то! Для тебя я всю эту муку принялъ, для тебя у меня и напредки — и бодрость, и сила есть. Изъ-за тебя я и славы хочу, изъ-за тебя я и до царя дойду. А безъ тебя моя жизнь все равно, что юрта безъ огня. И холодно, и темно.

Старикъ слушалъ внука и смотрѣлъ на него полными слезъ глазами.

Болѣе недѣли блуждали странники по горамъ и ущельямъ, то спускаясь, то подымаясь. Погода стояла все время ясная. Случись мятель, и положеніе Тарки было-бы безвыходное. Но Провидѣніе видимо хранило отважнаго мальчика. Вдругъ съ одной крутизны онъ увидалъ обширную поляну и окаймлявшую ее синюю полосу на горизонтѣ.

— Глянь-ка, дѣдка, не море-ли это?—И онъ бросился къ старику и хотѣлъ приподнять его, но старикъ бодро приподнялся самъ.

— Море и есть, сынокъ. Это Пенжинская губа, должно быть.

— Ну, вотъ добрались-таки. Спасибо солнышку, что все время свѣтило и путь намъ показывало.

На равнинѣ, черезъ которую ѣхалъ Тарка со своимъ дѣдомъ, кое-гдѣ рось низкій кедровый кустарникъ. Тарка нарубилъ его, развелъ костеръ, привязалъ кусокъ мерзлой оленины къ вѣткѣ кедровника и укрѣпилъ ее надъ огнемъ. По мѣрѣ того, какъ они ужинали, ночь становилась все темнѣе и темнѣе. Вдругъ на сѣверѣ появились два бѣловатые столба, которые разгорались все болѣе и болѣе и, наконецъ, соединившись верхними концами, образовали сводъ. Мгновенно вся внутренность этого свода ярко за-

пылала, а изъ краевъ его отдѣлились миріады лучей и стали переливаться различными цвѣтами. Каждую минуту сводъ вздрагивалъ и мѣнялъ цвѣта, а окаймляющій его край волнообразно колыхался. Отъ времени до времени съ сѣвера появлялась какъ бы волна то краснаго, то оранжеваго цвѣта и заливала весь сводъ. Спустя нѣсколько времени, дуга, образующая сводъ, разорвалась и повисла въ видѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ столбовъ; цвѣта сдѣлались менѣе ярки, полосы стали блѣднѣть и, наконецъ, совсѣмъ исчезли въ зарѣ восходящаго солнца.

Барми и Тарка не любовались на это величественное явленіе природы. Они сладко спали, закутанные въ мѣха, и, вѣроятно, видѣли пріятные сны. Не то, чтобы они были нечувствительны къ красотамъ природы, но они уже наглядѣлись на подобныя явленія и не могли поражаться ихъ новизной. Когда же они двинулись въ путь, они увидали передъ собою на воздухѣ и свои сани, и себя самихъ, и своихъ оленей. Все это неслось параллельно съ ними, только вверхъ ногами.

Это явленіе ихъ не удивило. Въ снѣжныхъ равнинахъ, окруженныхъ горами въ видѣ полукружія, не рѣдки такіе миражи, если въ теченіе нѣсколь-

Тарка былъ уже внутри юрты...

кихъ дней стоитъ морозная и ясная погода. Разрѣженный воздухъ и мѣстоположеніе чрезвычайно способствуютъ преломленію лучей. Благодаря этому обстоятельству, величина и близость предметовъ сильно обманываютъ зрѣніе: воронъ кажется съ добрую собаку, а море, находящееся въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ, какъ будто тутъ и есть.

Тарка, не знакомый съ физическими законами, не могъ понять, отчего это онъ ѣдетъ къ морю, а море все уходитъ отъ него. Погода начала хмуриться, солнце и луна, сыгравъ свою роль путеводителей, захотѣли отдохнуть. Началъ порошить снѣжокъ.

— Ничего, дѣдка,—успокаивалъ Тарка старика, который, впрочемъ, и не думалъ безпокоиться.— Здѣсь вѣдь не горы. Занесетъ насъ, такъ прикроемся сапочками, намъ и горя мало!

Въ родной тундрѣ своей Тарка не мало мятелей видалъ и зналъ, какъ отъ нихъ спасаться. Мятели, однако, не было.

Къ вечеру лаи собакъ возвѣстилъ путникамъ о близости жилья. Показались небольшія снѣжныя возвышенія, изъ центра которыхъ шелъ дымъ. Тарка принялъ ихъ за костры, которые туземцы

устраиваютъ въ ямахъ, вырытыхъ въ снѣгу, ради защиты отъ вѣтра. Это оказалось поселеніемъ осѣдлыхъ коряковъ. Цѣлая толпа окружила прибывшихъ, и начались обычные разспросы: кто, куда, зачѣмъ ѣдете? Отвѣтъ былъ условленъ: мы бобыли, ѣдемъ въ Камчатку къ русскимъ купцамъ въ работники.

Всѣ наперерывъ зазывали гостей къ себѣ. Тарка выбралъ юрту, около которой они стояли, и сталъ искать въ ней входа. На его глазахъ одинъ корякъ взобрался по шесту на крышу и исчезъ въ трубѣ. То-же повторялось и съ другой, и съ третьей юртой.

— Полѣзай же, что-жъ ты стоишь?— ободрялъ его молодой парень-корякъ.

— А лѣдка-то какъ-же?— въ недоумѣніи спрашивалъ Тарка.

— А развѣ онъ ходить не можетъ?— спросила одна изъ женщинъ.

— Ходить-то онъ теперь можетъ, а ужь взобраться—нѣтъ.

— Ну, мы его на веревкахъ спустимъ.

Такъ и сдѣлали. Бармы подняли на веревкахъ и спустили въ трубу. Нужды нѣтъ, что изъ нея шелъ дымъ и летѣли искры. Тарка былъ уже внутри юрты

и помогалъ спускать дѣда. Ему не понравилось жилище осѣдлыхъ коряковъ. Оно было вырыто въ землѣ и отдѣлялось отъ крыши тремя — четырьмя вѣнцами бревенъ. Такъ какъ входъ и выходъ были до чрезвычайности затруднительны, то нечистоты рѣдко удалялись и сваливались въ кучу въ углу. Можно себѣ представить, какой тамъ былъ воздухъ. Тарка и Барми, несмотря на усталость, долго не могли заснуть, такъ одолѣвали ихъ насѣкомыя, кишѣвшія въ этомъ жилищѣ. Дѣдъ и внукъ потихоньку обмѣнивались впечатлѣніями. Они находили, что у нихъ гораздо лучше, что они, переходя съ мѣста на мѣсто, поневолѣ провѣтриваютъ свои жилища, что и было совершенно справедливо.

— Вотъ ужъ отсюда мнѣ не выкрасть бы тебя, дѣдка, захворай ты здѣсь!—глубокомысленно заключилъ Тарка.

Ненастье точно ожидало прибытія путниковъ подъ гостепріимную кровлю. Поднялась вьюга, да такая, что за два шага ничего нельзя было различить. Цѣлыя тучи снѣга носились по равнинѣ и наметали огромные сугробы. Огонь въ юртѣ былъ потушенъ и отверстіе закрыто. Снаружи поставленъ

караульный, обязанный слѣдить, чтобы снѣгу не наваливало на доски, закрывающія отверстіе. Безъ этой предосторожности всѣ обитатели юрты оказались бы заживо похороненными. Ужасно было положеніе караульщика: пней кололъ ему лицо, вѣтеръ валилъ съ ногъ, но не слаще было и находящимся внутри юрты: потемки, холодъ и вонь, даже ночника нельзя было зажечь, такъ какъ чадъ отъ него, не имѣя выхода, задушилъ бы всѣхъ. Приходилось помириться съ невольнымъ заключеніемъ. Наконецъ, на вторыя сутки буря унялась, и Тарка съ дѣдомъ могли двинуться въ путь. Это было очень кстати, такъ какъ въ душной атмосферѣ юрты Барми опять началъ хирѣть, а Тарка стремился все дальше и дальше.

Добраться до Лѣсного, перваго камчадальскаго селенія на восточномъ берегу Камчатки, было далеко не легкое дѣло. Хотя Пенжинская губа въ сѣверной своей части, а также и у береговъ замерзла, но эти припаи были такъ узки, что на оленяхъ да на собакахъ только и можно было проѣхать. Сверхъ того надо было строго сообразоваться съ часами отлива, такъ какъ Камчатскій хребетъ, спускаясь отвѣсною стѣною къ морю, не представляетъ

никакого убѣжища для путника, застигнутаго врасплохъ приливомъ. Въ рѣдкихъ мѣстахъ горы немного отступаютъ, и вотъ туда-то и надо уноровить, чтобы ожидать новаго отлива.

Лѣсное очень понравилось Таркѣ. На ряду съ юртами, въ которыя надо было лазить черезъ трубу, были и дома на русскій манеръ: съ дверями и окнами. Послѣднія привлекли особенное вниманіе Тарки: ледъ — не ледъ, пузырь — не пузырь, а вѣтеръ не дуетъ и на улицу видно. Они остановились у Петра Ѳомина, съ которымъ Барми когда-то водилъ торговлю. Петръ Ѳоминъ былъ христіанинъ. какъ почти всѣ камчадалы, и понималъ немного корякскій языкъ; зналъ онъ также и языкъ чукчей, на которомъ больше и объяснялся съ Барми. Этотъ языкъ у инородцевъ играетъ такую же роль, какъ французскій въ Европѣ.

Тарка, о подвигѣ котораго, разумѣется, всѣ узнали, сдѣлался героемъ дня. Нельзя было избѣжать, чтобы не сообщить Петру Ѳомину о конечной цѣли путешествія: отъ него только и можно было получить совѣтъ и указаніе. Петръ Ѳоминъ покачалъ головою и сказалъ, что развѣ только петропавловскій губернаторъ можетъ что-нибудь сдѣлать, а что ему са-

мому даже и подумать страшно о такихъ неслыханныхъ затѣяхъ. Но въ Петропавловскъ можно было попасть только лѣтомъ, такъ какъ Камчатка покрыта горами и богата ключами, не дающими вполнѣ замерзнуть рѣкамъ. Пришлось покориться и остаться зимовать въ Лѣсномъ.

Чтобъ не быть въ тягость своему хозяину, Тарка принялся за работу: пріучалъ собакъ къ ѣздѣ, ходилъ въ горы за дровами, помогалъ ставить капканы на горностаевъ и лисицъ. Особенно любилъ онъ охоту на соболей. Большая компанія отправлялась на лыжахъ дѣлать на нихъ облаву, загоняла ихъ въ ямы и западни и убивала, не портя ихъ шкурокъ. Осенью, какъ слыхалъ Тарка, соболь ловится въ западни, устраиваемыя такимъ образомъ: подпиливаютъ дерево, немного отклоняютъ его и прикрѣпляютъ къ нему чурбанъ съ приманкою. Соболь становится на заднія лапки, схватываетъ приманку, и чурбанъ, падая, раздробляетъ ему голову. Петръ Ѳоминъ крѣпко полюбилъ честнаго и трудолюбиваго мальчика. Онъ сталъ усердно отговаривать его идти дальше. „Эхъ, малый,—говорилъ онъ ему,—до Бога высоко, до царя далеко, куда поїдешь ты и зачѣмъ? Оставайся-ка лучше у насъ. Я положу

тебѣ жалованье и дѣда буду кормить, а вырастешь, дадимъ тебѣ землю и заживешь припѣваючи".

Но Тарка оставался непреклоннымъ.

Наступила страстная недѣля. Тарка видѣлъ, что всѣ ходятъ въ церковь, и самъ изъ любопытства зашелъ посмотрѣть, что тамъ такое дѣлается. Была пятница. Торжественная церемонія выноса плащаницы тронула впечатлительную душу мальчика. Онъ вернулся домой задумчивый и, улучивъ минуту, когда хозяйка была одна, сталъ разспрашивать ее о смыслѣ только что видѣнной службы. Простымъ, безыскусственнымъ языкомъ разсказала ему хозяйка о подвигѣ Христа Спасителя и прибавила:

— Вотъ ужо пойдемъ съ нами къ Христовой заутрени, такъ сердце въ тебѣ взыграется точно голубь какой.

— Боязно мнѣ, — отвѣчалъ Тарка, — можетъ статься, Онъ не приметъ меня.

— Онъ принимаетъ всѣхъ приходящихъ къ Нему. Иди и не бойся.

Тарка пошелъ, и сердце взыграло въ немъ. Христіанинъ былъ уже готовъ. Недоставало только обряда крещенія.

Пришла весна, и рѣки вздулись отъ огромнаго

Библиотека имени В. И. Ленина

количества лососей, идущихъ съ моря. Нельзя себѣ представить, какое обиліе этой рыбы въ рѣкахъ Камчатки. Стоитъ ткнуть дротикомъ въ любое мѣсто — и непремѣнно попадешь въ рыбу. На отмеляхъ, на низинахъ ихъ остаются цѣлыя сотни. Камчадальскія собаки, которыя только и питаются рыбой, и по зимамъ очень скверной, весною дѣлаются такъ избалованы, что отъѣдаютъ у рыбъ только головы. То-же дѣлаютъ и добродушные камчатскіе медвѣди, съ которыми встрѣтиться никому не страшно; даже дѣти ихъ не боятся.

Какъ только начнется ходъ лососей, камчадалы покидаютъ свои селенія и строятъ шалаши на берегахъ рѣкъ, гдѣ и живутъ до сентября, занимаясь ловлею рыбы и заготовленіемъ ея впрокъ.

Когда ручьи сбѣжали съ горъ и болота подсохли, Барми и Тарка стали собираться въ путь. Едва уговорили они гостепріимнаго Петра Ѳомина принять отъ нихъ мѣха и оленей. Но камчадалъ, крѣпко полюбившій своихъ гостей, не остался у нихъ въ долгу. Онъ далъ имъ пару маленькихъ, но крѣпкихъ камчатскихъ лошадокъ, на которыхъ они и двинулись въ путь.

День только что занимался. Утренній туманъ,

легкой дымкой покрывавшій вершины горъ, сталъ золотиться. Мало-по-малу онъ разорвался на клочья и словно растаялъ. Въ воздухѣ стоялъ ароматъ ландышей и фіалокъ. Гуси и утки, дремавшіе въ высокой осокѣ, проснулись, расправили свои крылья и, скользнувъ по водѣ, разсыпали цѣлую тучу брызгъ, заигравшихъ на солнцѣ, какъ алмазная пыль. Засвистали иволги, звонкою пѣснью залились жаворонки, и надъ всѣмъ этимъ носились цѣлыя милліарды комаровъ, урывающихъ у природы свою долю наслажденія.

— Что это тамъ, ужъ не стадо ли аркаровъ [1]) идетъ къ ручью напиться?—спросилъ Барми, приставляя руку къ глазамъ въ видѣ зонтика.

— Это-то? Да это ребята наши сарану собираютъ. Ишь, какъ рано поднялись.

— Что же это за сарана такая?

— Ты развѣ не пробовалъ? Это клубни такіе, въ родѣ картофеля, только слаще.

— Не ѣдалъ. Такъ что-жъ, сѣютъ ее или сама растетъ?

— Сама. Вотъ ребята и собираютъ, пока трава

---

[1]) Аркаръ—горный баранъ.

не высока. А послѣ ее у мыши-эконома только и добыть можно.

— У мыши?

— Да, мышь такая есть, экономъ называется. Внизу горъ у нея норки есть и тамъ много собрано сарапы бываетъ.

— Чудно! Многому же ты тутъ, сынокъ, понаучился.

Невдалекѣ раздался дѣтскій крикъ. Тарка взглянулъ и обомлѣлъ отъ ужаса. Черный медвѣдь опрокинулъ маленькую дѣвочку и стоялъ надъ ней. Въ одну минуту Тарка соскочилъ съ лошади и побѣжалъ туда. Каково же было его удивленіе, когда онъ увидалъ, что кучка ребятишекъ окружила эту группу и хохочетъ.

— Да онъ ея не тронетъ, — говорили дѣти въ отвѣтъ на укоризненные взгляды Тарки. — Онъ только сарану отнимаетъ,—онъ до нея охотникъ.

Какъ будто въ подтвержденіе ихъ словъ, медвѣдь съѣлъ сарану, отнятую у дѣвочки, и отошелъ отъ нея.

— Они у насъ не страшные, только вотъ надоѣдаютъ. Какъ разлакомятся сараной, такъ то и дѣло, что гоняются за нами да отнимаютъ. Тутъ

ужь, кто ближе стоитъ, брось весь сборъ, а остальные бѣги. Только такъ и успѣешь унести что-нибудь.

Тарка взялъ нѣсколько клубней сараны и отнесъ ихъ дѣду.

Провизіи у путниковъ было немного: ячменныя лепешки да кипрскій чаи [1]). Больше имъ было и не надо, такъ какъ въ ручьяхъ Тарка ловилъ рыбу, а въ лѣсахъ, на привалахъ, ставилъ петельки рябчикамъ. Слѣдовательно провизія всегда была свѣжая и, по привычкѣ, часто ѣлась сырою.

Послѣ скудной природы тундръ камчатскіе луга, покрытые густою, сочною травою, и лѣса березъ, тополей и лиственницъ приводили Тарку въ восхищеніе.

— Это еще что! — говорилъ Бармн въ отвѣтъ на восторженные возгласы мальчика. — Среди лѣта тутъ, говорятъ, такая трава, что человѣка на лошади не видно. Три раза косятъ, вишь, траву-то.

— Такъ отчего же такъ мало скота они держатъ?

— А потому, что народу не знать за что и

---

[1]) Стебли растенія кипрея сбиваютъ въ видѣ узкихъ ремней, которые сушатъ и ѣдятъ сырыми.

взяться. И рыбы у нихъ вдоволь, и звѣрья всякаго, и хлѣбушко, говорятъ, родится знатный. Намъ старики всегда говорили, что Камчатка благословенный край, да вотъ не вѣрилось, пока самъ не увидалъ.

Первые дни пути были особенно трудны. Надо было переваливать черезъ Камчатскій хребетъ, цѣпляться по утесамъ, вязнуть въ трясинахъ. Селенія попадались рѣдко, на день и на два пути одно отъ другого, и вездѣ принимали путниковъ ласково и указывали имъ дальнѣйшій путь. Достигнувъ рѣки Генули, они срубили плотъ и поплыли на немъ, привязавъ сзади своихъ лошадокъ.

Рѣка Генуль вытекаетъ изъ горъ и протекаетъ по широкой долинѣ, окаймленной высокими горами. Ярко блестятъ на солнцѣ снѣжныя вершины и рѣзко отдѣляются отъ темно-зеленой полосы сосенъ, начинающихся ниже; еще ниже идутъ лиственныя породы, лежащія мягкой зеленой тѣнью на темной зелени сосенъ. У подножія разстилается роскошный коверъ, испещренный цвѣтами, а посрединѣ серебристой лентою катитъ свои воды Генуль, отражая лазоревое небо и плывущія по немъ дымчатыя облака.

Достигнувъ рѣки Уоловки, путники должны были

распрощаться со своими лошадками и промѣнять ихъ на лодки, такъ какъ Уоловка узка и извилиста и на плотахъ пробраться по ней нельзя.

Лодки эти, называемыя байдарками, такъ малы, что могутъ вмѣстить только одного человѣка; вдобавокъ онѣ одарены странной способностью переворачиваться при каждомъ неосторожномъ движеніи, и бѣдному Таркѣ не разъ пришлось выкупаться, прежде чѣмъ онъ научился управлять своей байдаркой.

Разстояніе отъ рѣки Уоловки до селенія Ключей было сравнительно небольшое, но требовало много времени, такъ какъ приходилось идти пѣшкомъ. Къ Тарки возвратились его прежняя сила и бодрость, и онъ бы не отставалъ отъ внука, если-бъ послѣдній былъ потерпѣливѣе и не слишкомъ страстно стремился впередъ.

Наконецъ, показался дымящійся конусъ, увѣнчанный облакомъ золотистаго дыма. Это была Ключевая сопка; по разсказамъ о ней путники ее тотчасъ-же узнали.

— Что это за диво такое, дѣдка? Гора—и дымится. Вишь, пепелъ-то даже и сюда долетаетъ.

— Кто его знаетъ! Должно, шайтанъ кузницу тамъ свою завелъ, противъ людей злыя козни куетъ.

— А я такъ думаю, дѣдка, и шайтана-то нѣтъ совсѣмъ. Кто его видалъ?

— Какъ нѣтъ, сынокъ? А отъ кого-же злыя мысли-то приходятъ? Отъ великаго духа мысли добрыя, а отъ шайтана—злыя. Не сомнѣвайся.

— А великій-то духъ, дѣдка, не тотъ-ли это самый, котораго христіане называютъ Богомъ?

— Не могу знать, сынокъ. Это не нашего ума дѣло.

— Если-бъ я сталъ почитать великаго духа, какъ христіане почитаютъ Бога, огорчился бы ты?

— По-что, сынокъ? Будь ты всегда такой, какъ теперь, такъ мнѣ и ладно. Я буду знать, что мысли твои правыя и что тотъ Богъ, который говоритъ твоему сердцу, настоящій Богъ и есть. Слущай, сынъ,—продолжалъ Барми, помолчавъ.—Мы близимся къ цѣли. Великій духъ, видимо, покровительствуетъ тебѣ. Такъ знай же, что когда мы предстанемъ передъ великое лицо слуги царева, я говорить не стану. Твой Богъ внушитъ тебѣ что̀ говорить, и каждое твое слово будетъ стоить моихъ десяти...

Селеніе Ключи населено выходцами изъ внутреннихъ губерній Россіи, пришедшими въ Камчатку лѣтъ сто тому назадъ. Это былъ первый опытъ заселенія

богатаго Камчатскаго полуострова. Поселенцы выбрали очень живописный уголокъ — долину, окруженную съ трехъ сторонъ горами, а съ четвертой— рѣкой Камчаткой. Въ центрѣ полукружія, образуемаго горами, царитъ величественный вулканъ, извѣстный подъ названіемъ Ключевой сопки. Большого извержения изъ этого вулкана давно уже не было, но облако дыма постоянно стоитъ надъ нимъ, и отъ времени до времени кратеръ выбрасываетъ массы пепла, которыя засыпаютъ поля и луга поселенцевъ. Постояннымъ рокотаніемъ своимъ и подземнымъ гуломъ вулканъ какъ будто предупреждаетъ о своемъ опасномъ сосѣдствѣ. Но безпечные поселенцы и въ усъ не дуютъ. Они живутъ припѣваючи и даже радуются, когда большое извержение пепла удобритъ ихъ поля безъ всякаго труда съ ихъ стороны.

Въ Ключахъ путникамъ посчастливилось встрѣтить отрядъ казаковъ изъ Петропавловска, которые и взяли ихъ съ собою, посадивъ на вьючныхъ лошадей.

Вотъ и желанный Петропавловскъ—городъ, смахивающій на деревню, только гораздо хуже: красотъ природы меньше, а грязи и вони больше.

Барми и Тарка остановились на постояломъ дворѣ и стали готовиться предстать передъ губернаторомъ. Барми выбрилъ себѣ голову по корякской модѣ, оставивъ только длинную бахрому волосъ за ушами и на затылкѣ. Тарка не далъ выбрить себя. Ему лучше нравилась камчадальская мода—волосы, подстриженные немного спереди, съ проборомъ посреди головы. Развязанъ былъ, наконецъ, таинственный свертокъ, и появился на свѣтъ Божій красный суконный кафтанъ, обшитый галуномъ, и старинная сабля съ серебряной рукояткой чеканной работы. Барми облачился въ это одѣяніе, а Тарка остался въ своей куклянкѣ, и они отправились къ губернатору, обращая на себя вниманіе всѣхъ встрѣчныхъ.

Губернаторъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ доступный и привѣтливый, особенно съ инородцами. Онъ охотно принималъ ихъ и выслушивалъ. Появленіе краснаго кафтана, конечно, изумило его, но онъ не подалъ вида и сталъ разговаривать съ пришедшими черезъ переводчика.

— Я корякъ изъ-за Саманскихъ горъ,—началъ бойко Тарка,—а это вотъ мой дѣдъ, Барми. Онъ былъ болѣнъ, и земляки наши хотѣли его убить,

чтобы онъ не обременялъ ихъ. Я его выкралъ и привезъ сюда.

— Очень хорошо сдѣлалъ. Но чего-же вы желаете?

— Мы желаемъ черезъ твою милость дойти до бѣлаго царя.

— Ого! многаго же вы желаете. А какая нужда у васъ до его величества?

— Я обращусь къ его великой душѣ и попрошу пріютить моего дѣда, пока я выучусь и вырасту.

— Почему же ты думаешь, что имѣешь право обратиться къ его величеству, и что значитъ этотъ красный кафтанъ?

— У дѣда моего былъ отецъ, а у его отца тоже отецъ, который былъ богатъ: оленей много водилось у него. Случился у русскихъ людей голодъ; дѣдъ дѣда отдалъ своихъ оленей, и русскіе люди не померли съ голоду. Великій бѣлый царь Александръ узналъ, что сдѣлалъ дѣдъ, и прислалъ ему кафтанъ, да саблю, да вотъ эту грамотку съ наказомъ, что когда что потребуется,—проси. Мы никогда ничего не просили...

Тарка вынулъ изъ оленьей шкуры пожелтѣвшую

бумагу и подалъ ее губернатору. Это былъ указъ императора Александра I, подтверждавшій все сказанное мальчикомъ.

Съ первой же минуты смышленый и отважный мальчикъ заинтересовалъ губернатора. Онъ прочелъ бумагу и сказалъ:

— Слушайте, милые, у великаго бѣлаго царя слугъ много. Времени не хватитъ у него принимать и выслушивать всякаго. Для этого онъ назначаетъ людей, которые обязаны разсматривать просьбы его подданныхъ и доносить ему о нихъ. Я здѣсь поставленъ для того, чтобы помогать вамъ и входить въ нужды ваши. Я сдѣлаю его величеству донесеніе, а вы пока живите у меня. Ты, мальчикъ, не только по заслугамъ прадѣда своего, но и по своимъ собственнымъ вполнѣ заслуживаешь вниманія. Ты, можетъ быть, желаешь учиться?

— Желаю, господинъ, желаю. Чѣмъ больше видятъ глаза мои, тѣмъ больше становится горько мнѣ, что ничего я не знаю и не понимаю.

— Вотъ и прекрасно. За лѣто ты у меня въ домѣ выучишься по-русски, а съ осени отдадимъ тебя въ школу.

— Еще... господинъ...

— Чего вы желаете?—спросилъ губернаторъ...

— Что еще? Говори все смѣло.

— Жилъ я зиму въ Лѣсномъ, ходилъ въ русскую церковь, и возгорѣлось сердце во мнѣ... хочу, господинъ, креститься.

— А дѣдъ согласенъ?

Губернаторъ строго держался данныхъ ему инструкцій: обращать инородцевъ въ христіанство путемъ проповѣди, если можно, но никогда не приневоливать ихъ къ тому.

— Великій слуга царевъ!—началъ Барми.— Я далъ жизнь моему сыну, а сынъ—внуку, внукъ же возвратилъ ее мнѣ. Если бы не сынъ сына моего, то не видать бы мнѣ больше ни краснаго солнышка, ни неба голубого, ни твоихъ ясныхъ очей. Сколько мукъ и тягостей перенесъ изъ-за меня мой внукъ: на себѣ тащилъ, по невѣдомымъ путямъ возилъ. А какое бы наказаніе претерпѣлъ онъ, если-бъ настигли его! Землянки наши жалости не знаютъ, а заступы у него нѣтъ: безъ меня онъ сирота круглый. Только великій духъ могъ внушить ему такія мысли и укрѣпить на такіе подвиги. И если онъ теперь внушаетъ ему, что христіанскій Богъ есть Богъ истинный, то это, стало быть, такъ и есть. Пусть крестится Тарка, съ нимъ вмѣстѣ крестится

и дѣдъ его. Не будетъ отнынѣ у меня другого Бога, кромѣ Бога внука моего!

Въ первое же воскресенье были назначены крестины.

Съ самаго утра толпы народа наполнили церковь, гдѣ долженъ былъ происходить обрядъ крещенія. Наперть и значительное пространство вокругъ церкви были запружены народомъ. Всѣмъ хотѣлось видѣть церемонію крещенія. Но вотъ показался экипажъ губернатора. Народъ заволновался и разступился. Тарка въ новомъ подаренномъ ему полушубкѣ вмѣстѣ съ губернаторшей и ея младшей дочерью явился въ церковь.

Сильно забилось его сердце при входѣ въ храмъ Божій, но еще сильнѣе забилось оно, когда было приступлено къ обряду святого крещенія, который отличался необычайной торжественностью. Священникъ въ новомъ облаченіи, сотни зажженныхъ свѣчей, стройное пѣніе и вообще вся обстановка церкви въ этотъ моментъ производили трогательное впечатлѣніе на присутствующихъ.

Умилительное зрѣлище представляли новообращенные предъ алтаремъ въ ожиданіи причастія: лицо мальчика сіяло тихою радостью; казалось, что

всѣ его помыслы обращены теперь къ Богу, Котораго онъ позналь, а по морщинистымъ щекамъ старика струились слезы.

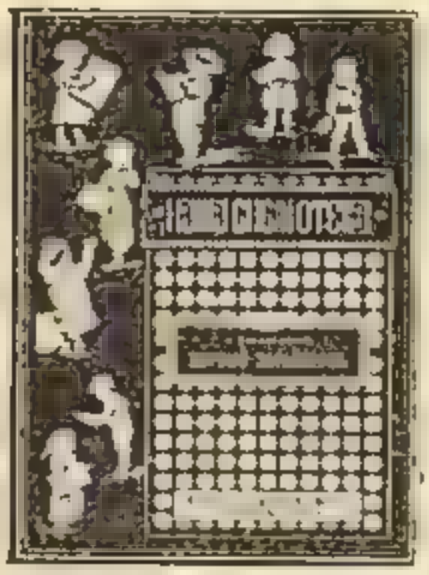
При крещеніи Барми былъ названъ Борисомъ, а Тарка—Тарасомъ..

Въ домѣ губернатора, какъ и въ Лѣсномъ у Петра Ѳомина, Тарка сумѣлъ заслужить всеобщее расположеніе. Старикъ Борисъ сдѣлался любимымъ „дѣдомъ“ маленькихъ дѣтей губернатора. Онъ разсказывалъ имъ про корякскіе обычаи и повѣрья и чуть ли не сотню разъ про подвиги Тарки, со всѣми мельчайшими подробностями.

Донесеніе губернатора было благосклонно принято. Старику назначена была хорошая пенсія, а мальчикъ былъ опредѣленъ на казенный счетъ въ училище съ тѣмъ, чтобы предоставить ему, по окончаніи курса, свободу избрать себѣ путь, какой пожелаетъ: или получить землю, или поступить на государственную службу.

НАША БИБЛІОТЕКА

3 р. СОБРАНІЕ ЛУЧШИХЪ КНИГЪ 3 р.
ДЛЯ ДѢТЕЙ ВСѢХЪ ВОЗРАСТОВЪ



Подъ общимъ названіемъ «Наша Библіотека» Товариществомъ М. О. Вольфъ предпринято изданіе цѣлаго ряда книгъ для дѣтей, — книгъ, отличающихся, съ одной стороны, прекраснымъ внутреннимъ содержаніемъ, съ другой — изящною внѣшностью, обиліемъ рисунковъ, четкою печатью, бумагою наилучшаго сорта и проч. Въ составъ «Нашей Библіотеки» входятъ книги для всѣхъ возрастовъ начиная съ самаго младшаго (т.-е. дѣтей, только-что начинающихъ читать) и кончая книгами для юношества. Въ «Нашей Библіотекѣ» есть и сказки, и коротенькіе разсказы, и популярно-научныя сочиненія, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ авторовъ. По внѣшности книги, вошедшія въ составъ «Нашей Библіотеки», представляютъ собою роскошнѣйшія русскія книги для дѣтей.

Каждый томъ «Нашей Библіотеки» составляетъ отдѣльное цѣлое. Цѣна одного тома, въ богатомъ золотисненномъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ въ футлярѣ—3 р.

1. **НИКОЛАЙ НИКЛЬБИ.** Романъ **Чарльза Диккенса.** Изданіе для юношества. Съ 13 отдѣльными картинами и 34 рис. въ текстѣ.
2. **СБОРНИКЪ БАСЕНЪ Крылова, Хемницера, Дмитріева и Измайлова.** Съ 26 отдѣльными гравюрами Густава Доре, Шарлеманя, Евгенія Ламбера, Гранвиля и съ 22 рисунками въ текстѣ.
3. **БѢЛАЯ МЫЗА,** или открытія Коли на берегу Чернаго моря. Разсказъ для дѣтей средняго возраста **В. Л. Ранцова.** Съ 9 отдѣльными картинами и 82 политипажами.
4. **ДАВИДЪ КОППЕРФИЛЬДЪ.** Романъ **Чарльза Диккенса.** Изданіе для юношества. Съ 14 отдѣльными картинами и 36 рисунками въ текстѣ.
5. **КРАСНЫЙ ФОНАРЬ, МИТИНА НИВА** и другіе разсказы для дѣтей **Н. Г. Вучетича.** Съ 7 отдѣльными картинами В. Полякова и со многими рисунками въ текстѣ (разсказы «Красный фонарь» и «Митина нива» удостоены преміи С.-Петербургскаго Фребелевскаго общества).
6. **И Я ЧИТАЮ.** Разсказы для маленькихъ дѣтей, собранные кружкомъ матерей, съ отдѣльными картинами и рисунками въ текстѣ, крупнымъ шрифтомъ.
7. **РАЗКАЗЫ В. И. Немировича-Данченка** для дѣтей старшаго возраста, съ рисунками въ текстѣ художн.: Левченко, Юмудскаго, Дальневича и другихъ.
8. **ПАВЕЛЪ и ВИРГИНІЯ.** Романъ **Бернардена де Сенъ-Пьера,** съ отдѣльными картинами и рисунками въ текстѣ художника Лелоара
9. **ПРИКЛЮЧЕНІЯ СПИРИДОНА.** Повѣсть для юношества **А. В. Круглова.** Съ 13 отдѣльными картинами и 51 рисунками въ текстѣ. А. И. Сударушкина и др.
10. **ЦАРСТВО МАЛЮТОКЪ.** Приключенія Мурзилки и лѣсныхъ человѣчковъ въ двадцати семи разсказахъ **А. Б. Хвольсонъ** съ 182 рисунками П. Кокса.
11. **ЧТО ВИДИТЪ ЗВѢЗДОЧКА** и другіе разсказы для дѣтей **Клавдіи Лукашевичъ,** съ 25 отдѣльными картинами и со многими рисунками въ текстѣ.
12. **ПЕРВЫЙ ЗАРАБОТОКЪ** и другіе разсказы **К. С. Баранцевича,** съ портретомъ автора, 17 отдѣльными картинами и 25 рисунками въ текстѣ.

ЗОЛОТАЯ БИБЛІОТЕКА

НОВАЯ КОЛЛЕКЦІЯ КНИГЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

въ изящныхъ изданіяхъ, въ оригинальныхъ золототисненыхъ переплетахъ.

ЦѢНА КАЖДАГО ТОМА 1 Р. 50 К.

Эта новая коллекція книгъ для дѣтей разныхъ возрастовъ, предпринятая Товариществомъ М. О. Вольфъ, имѣетъ цѣлью дать въ руки дѣтей наиболѣе выдающіяся и популярныя произведен. такъ-называемой «литературы для дѣтей», русской и иностранной, а также классическія произведенія европейскихъ писателей, примѣнен. къ дѣтскому возрасту, въ изящныхъ иллюстрирован. изданіяхъ, по чрезвычайно дешевой цѣнѣ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ БАСЕНЪ КРЫЛОВА, съ біографіею и словаремъ М. Я. Н-кольскаго, съ портретами, видами памятника и могилы Крылова. Съ 82 рисунками Н. Ольшанскаго и П. Белліигерста. Изд. второе.

ВЕСЕЛЫЕ РАЗСКАЗЫ. В. Буша. Переводъ К. Н. Льдова, съ 428 рисунками въ текстѣ. Изданіе второе.

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ. Арабскія сказки. Въ обработкѣ для русскихъ читателей А. Аѳанасьева-Чужбинскаго. Съ рисунками.

НОРВЕЖСКІЯ СКАЗКИ П. ХР. АСБЬЕРНСЕНА. Переводъ С. М. Макаровой, съ 25 отдѣльными картинами и 47 иллюстрацами въ текстѣ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ, съ 3 рисунками въ текстѣ и 21 отдѣльными картинами Анненскаго, Панова, Тейхеля и др. Изд. второе.

ЛУЧШІЯ СКАЗКИ АНДЕРСЕНА, съ 130 рис. и 7 отд. карт. Изданіе третье.

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ БРАТЬЕВЪ ГРИММЪ. Переводъ Е. И. Песковской, съ предисловіемъ П. М. Ольхина, съ 75 рисунками въ текстѣ. Изданіе третье.

СКАЗКИ ГАУФА, съ 21 иллюстрац. и 20 отдѣльными картин. Изд. второе.

СКАЗКИ ПЕРРО, съ 16 иллюстраціями Густава Доре. Изд. второе.

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ. Сочиненіе Сервантеса, переведенное, передѣлано для дѣтей А. Гречемъ, съ 75 рис. Густава Доре. Изд. второе.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МЮНХГАУЗЕНА. Первый полный переводъ на русскій языкъ Е. Песковской, съ иллюстраціями Густава Доре. Изд. второе.

РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ. Соч. Вольфганга Гёте, примѣн. къ дѣтскому возрасту М. Песковскимъ, съ автотип. рис. въ текстѣ и 7 отдѣльн. картин. Изд. второе.

ПУТЕШЕСТВІЯ ГУЛЛИВЕРА по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта. Соч. Джонатана Свифта, перев. съ англ. М. Николь-каго. Съ біограф. автора, 30 отдѣльн. картин. и 35 рис. въ текстѣ. Изд. второе.

СОНИНЫ ПРОКАЗЫ. Сочин. графини Сегюръ, урожд. Ростопчиной. Перев. съ французск., съ 33 рис. въ текстѣ и 5 отдѣльн. картин. Третье изданіе.

ПРИМѢРНЫЯ ДѢВОЧКИ. Сочиненіе графини Сегюръ, урожд. Ростопчиной. Переводъ съ французскаго съ 20 рисунками. Изданіе второе.

КАНИКУЛЫ. Сочиненіе графини Сегюръ, урожд. Ростопчиной. Переводъ съ французскаго. Съ рисунками. Изданіе второе.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА. Соч. Бичеръ-Стоу, примѣнен. къ дѣтскому возрасту М. Песковскимъ, съ 101 рис. въ текстѣ и 13 отдѣльн. картин. Изд. второе.

МАЛЕНЬКІЙ ЛОРДЪ ФАУНТЛЕРОЙ. Разсказъ для дѣтей Ф. Г. Бернетъ. Съ 24 рисунками Р. Г. Берчъ. Изданіе второе.

ЗАПИСКИ ШКОЛЬНИКА (Cuore). Сочиненіе Де-Амичисъ, съ предисловіемъ М. Л. Песковскаго, съ 15 рис. въ текстѣ и 32 отд. картин. Изд. третье.

МАЛЕНЬКІЯ ЖЕНЩИНЫ или Мегъ, Джо, Бетси и Эми. Повѣсть. Луизы Олькотъ, съ 89 рис.

МАЛЕНЬКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Исторія одного ребенка (Petit Chose) Альфонса Доде, переводъ М. Л. Лихтенштадтъ, 73 иллюстрац. Изданіе второе.

ПРИНЦЪ и НИЩІЙ. Разсказъ для юношества всѣхъ возрастовъ Марка Твэна. Переводъ Н. С. Вѣтвина съ 140-ти рисунками.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ТОМА СОЙЕРА. Повѣсть для юношества всѣхъ возрастовъ Марка Твэна. Переводъ М. Н. Колаевой. Съ 65 рисунками.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГЕККЕЛЬБЕРРИ ФИННА. Повѣсть для юношества всѣхъ возрастовъ Марка Твэна, перев. графини А. З. Муравьевой. Съ рисунками.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостин. Дворъ, 18.

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
ТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.
МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ
роскошныя книги для дѣтей
МЛАДШАГО ВОЗРАСТА:

ЦАРСТВО МАЛЮТОКЪ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МУРЗИЛКИ

и лѣсныхъ человѣчковъ въ 27 разсказахъ

А. Б. Хвольсонъ.

Большой томъ въ 8 д. л., съ рисунками **П. Кокса.** Цѣна въ богатомъ подарочномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ золототиснеиіями и золотообрѣзомъ, въ папочномъ футлярѣ, **3 рубля.**

„ЧТО ВИДИТЪ ЗВѢЗДОЧКА“

И

ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Клавдіи Лукашевичъ.

Съ 26 отдѣльными картинами и со многими рисунками въ текстѣ **О. Козачинскаго, Н. Ольшанскаго, К. Первухина, А. Писемскаго** и др.

Большой томъ въ 8 д. л, въ богатомъ подарочномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ золототиснеиіями и золотообрѣзомъ, въ папочномъ футлярѣ. Цѣна **3 рубля.**

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостин. Дворъ, 18.

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
ТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.
МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
НОВЫЯ РОСКОШНЫЯ КНИГИ
ДЛЯ ЮНОШЕСТВА:

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СПИРИДОНА.

Повѣсть А. В. КРУГЛОВА.

Съ 13 отдѣльными картинами и 51 рисункомъ въ текстѣ А. И. Сударушкина и др.

Цѣна въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ золототисненіями и золотообрѣзомъ, въ папочномъ футлярѣ, 3 рубля.

ПЕРВЫЙ ЗАРАБОТОКЪ

И ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ

К. С. БАРАНЦЕВИЧА.

Съ портретомъ автора, 25 рис. въ текстѣ и 17 отдѣльными картинами Скиргелло, А. И. Сударушкина и др.

СОДЕРЖАНІЕ: Первый заработокъ. — Полевой колокольчикъ. — Ворона. — Засятка. — Пророкъ. — Ручей слезъ. — Золотой вѣкъ. — Небывалое представленіе. — Кегельный король. — Христосъ воскресъ!

Цѣна въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ золототисненіями и золотообрѣзомъ, въ папочномъ футлярѣ, 3 рубля.

Постоянно открыта подписка

НА ДВА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛА

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

основанные С. М. Макаровой

и издаваемые съ участіемъ извѣстныхъ русскихъ писателей, педагоговъ и художниковъ.

Быть товарищемъ, собесѣдникомъ и руководителемъ молодыхъ читателей, давать имъ разумное, полезное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересное и самое разнообразное чтеніе, расширять кругъ ихъ знаній, содѣйствовать развитію у нихъ любознательности и пытливости, развлекать ихъ, поучая, дополнять возможные пробѣлы въ школьномъ образованіи—вотъ цѣль „Задушевнаго Слова“. Эту цѣль оно преслѣдовало строго въ теченіе многолѣтняго своего существованія, намѣрено преслѣдовать и впредь.

„Задушевное Слово“ издается въ видѣ двухъ совершенно самостоятельныхъ журналовъ, изъ которыхъ одинъ для младшаго возраста, другой—для старшаго.

„ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО“		„ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО“
Еженедѣльный иллюстр. журналъ для младшаго возраста (отъ 5 до 9 лѣтъ)	* * * * * * *	Еженедѣльный иллюстр. журналъ для старшаго возраста (отъ 9 до 14 лѣтъ)
52 №№ ВЪ ГОДЪ съ преміями и приложеніями.		52 №№ ВЪ ГОДЪ съ преміями и приложеніями.

Подписная цѣна каждаго журнала, съ доставкой и пересылкой: на 4 мѣс. 2 р., на полгода—3 р., на годъ—6 руб.

Съ перес. за границу: на годъ 8 р., на полгода—4 р.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ, въ СПБ. и въ Москвѣ, а также въ редакціи „Задушевнаго Слова“: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 линія, 5—7, с. д.

2007056092